

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ.

Главнейшие законодательные меры, проведенные в мое премьерство.

* Из числа законодательных мер, проведенных во время моего премьерства, заслуживают внимания следующие. Одна законодательная мера, не осуществленная, характеристична с точки зрения показателя существовавших в то время настроений. Я говорю о законопроекте по поводу смертных казней.

До 17 октября существовал закон, в силу которого генерал-губернаторы могли предавать преступников военному суду, при чем суд сей обыкновенно кончался смертною казнью преступника. В местностях же, где нет генерал-губернаторов, предание военному суду могло совершаться лишь по соглашению министра внутренних дел с министром юстиции. До 1904 года законом этим пользовались довольно редко. По мере развития революционного настроения этот закон начал применяться чаще.

В 1905 году до 17-го октября и после 17-го, когда начали создаваться временные генерал-губернаторства с объявлением тех или других местностей в исключительном положении и П. Н. Дурново начал усердствовать в угождении развившегося реакционного направления, смертные казни приняли совершенно произвольный характер. За одни и те же преступления в одних местностях предавали военному суду, а в других не предавали. Приговоры военных судов всегда давали смертные казни, при чем в одних случаях приговоры эти получали утверждение, а в других, совершенно одинаковых, не получали. Для того, чтобы обуздать эту игру в рулетку смертных казней, я настоял, чтобы был выработан закон в з а м е н существующего, в силу которого военному суду обязательно предаются лица, совершившие следующие политические преступления: покушение на здоровье

или жизнь правительственных агентов и приготовление, а равно действие взрывчатыми бомбами. За эти преступления анархического характера виновные обязательно должны были предаваться военному суду; суд, признав подсудимого виновным, должен был его приговорить к смертной казни и мог уменьшить это наказание до каторжных работ только при особых обстоятельствах, заслуживающих подсудимому снисхождение. Приговор суда не требовал санкции административной власти (генерал-губернатора или министра внутренних дел). Таким образом случаи предания военному суду весьма суживались. Предание военному суду независимо от административного усмотрения—над подсудимым творили суд, хотя и военный, но независимый. Утверждение решения суда не зависело от административного усмотрения.

Можно быть в принципе за смертную казнь или против нее, но во всяком случае предложенный мною временный закон, уничтоживший существовавший закон о присуждении военными судами к смертной казни, вносил в это дело некоторую закономерность и весьма суживал применение этого рода наказания.

В совете министров два члена—князь Оболенский и Тимирязев—с целью показательного либерализма в то либерально-революционное время высказались против законопроекта. Дабы не ставить его величество в необходимость решать это кровавое дело (в то время министерство полагало, что имя государя должно поменьше касаться крови), законопроект был представлен в старый Государственный Совет, который существовал до предстоящего в ближайшее время открытия новых законодательных учреждений.

Государственный Совет подавляющим большинством голосов принял этот проект. В меньшинстве между прочим был почтеннейший член Государственного Совета, известный профессор Таганцев, который принципиально вообще высказывался против смертной казни, как уголовного наказания. Были и такие члены, которые говорили, что после 17-го октября не следует вводить нового закона со смертной казнью, пусть до поры до времени доживают свой век старые.

Мемория Государственного Совета была представлена его величеству. Государю было угодно согласиться с меньшинством. Он со мною по этому предмету ни разу не говорил. Я слышал, что на него повлиял обер-прокурор святейшего синода, все тот же князь Оболенский, пустив даже в ход влияние митрополита Антония.

Я сожалел, что вопрос о наказании смертною казнью остался в столь безобразном состоянии, но хотел думать, что по крайней мере это служит как бы признаком, что его величество в душе против смертных казней.

Затем я ушел. Явилось министерство Столыпина. Как только он вступил после разгона первой Думы Горемыкиным, в министерстве которого Столыпин занимал пост министра внутренних дел, он ввел полевые военные суды по статье 87-й основных законов высочайшим повелением, вероятно, находя, что и прежний закон стеснителен для расходившейся администрации и либерала премьера Столыпина.

По этому закону открывался полный произвол администрации в применении смертной казни. Закон даже требовал, чтобы судьи были не военные юристы, а просто строевые офицеры. Тот же закон был представлен в совет министров главным военным прокурором Павловым (впоследствии убитым анархистом) в мое министерство. Мое министерство единогласно признало этот закон неприемлемым, и более всего возражал против него министр юстиции (ныне председатель Государственного Совета) Акимов.

Собралась вторая Государственная Дума, она не приняла закона о полевых судах, изданного по статье 87. Тогда Столыпин прямо изменил несколько параграфов военного и морского законодательства через военные и адмиралтейские советы так, что в сущности военные и полевые суды, им введенные, сохранились в неприкосновенности. И начали казнить направо и налево, прямо по усмотрению администрации; смертную казнь обратили в убийство правительственными властями. Казнят через пять, шесть лет после совершения преступления, казнят и за политическое убийство и за ограбление винной лавки на 5 р., женщин и мужчин, взрослых и несовершеннолетних, и эта вакханалия смертных казней существует и поныне.

Третья Государственная Дума, составленная из подобранных членов, на все это ни разу не реагировала, как будто она этого не знает. Это тянется уже шестой год, и после того, как Столыпин объявил об «успокоении», его за такие действия уколошили, а порядок, им введенный, поныне действует, и общество на него не реагирует. Наступило то время, когда общественное мнение преимущественно реагирует на карманные интересы...

По манифесту 17 октября было государем императором решено и торжественно обещано даровать населению незыблемые основы гражданской свободы по началам действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов. Гарантиею гражданской свободы служат везде, где такая свобода существует, более или менее культурные законы, соответствующие принципиальным взглядам на граждан (на общество и их членов), установившимся прочно в цивилизованных нациях в XIX столетии; строгое соблюдение сих законов без возможности допущения административного усмотрения и произ-

вола, что, главным образом, достигается независимостью суда; законная неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний, союзов.

Что касается наших законов, как их застал манифест 17 октября, то они в общем со времени императора Александра II, можно сказать, соответствовали культурности нации. Императором Александром III под влиянием события 1-го марта законы эти были несколько испорчены преимущественно временными законами, проходившими через комитет министров, в том числе законом об исключительных положениях, суть которых заключается в объявлении той или иной местности вообще или в некоторых отношениях стоящей вне закона, а зависящей от административного, гражданского или военного усмотрения.

Установление законодательных независимых учреждений (Думы и Государственного Совета) давало основание надеяться, что бывшие недочеты в нашем законодательстве будут устранены, и что законодательные собрания эти будут на страже нелицеприятного и строгого исполнения существующих законов. Такая надежда и осуществилась бы, если бы, с одной стороны, Дума политически не опьянела, полагая, что после 17 октября всю монархическую Россию можно свести насмарку, водворив культ принципов демократической республики, а с другой—явился бы более культурный руководитель судьбами России, нежели Столыпин, который бы, поняв необходимость привести Думу к практическому государственному разуму, не сделал этого посредством легкомысленного государственного переворота манифестом и законом 3-го июня 1907 года.

Что касается вопроса неприкосновенности личности, то такая должна была быть гарантирована законностью и устранением исключительных положений. Закон об исключительном положении был проведен при Александре III не через Государственный Совет, а через комитет министров, а тем не менее, это есть закон, как и многие другие, которые проводились не через Государственный Совет, а через комитет министров—вообще временные политические законы. Закон об исключительном положении, как я сказал, был издан при Александре III, как временный, и потому, когда истек срок его, то он продолжался временным законом на несколько лет. Последний раз он был продолжен уже после 17 октября через комитет министров на срок трехлетний, при чем в комитете было высказано, что это последнее продолжение закона, что он через три года должен будет или потерять свою силу, или проведен через новые государственные учреждения (Думу и Государственный Совет). В комитете также высказывалась надежда, что закон продол-

жается на три года в уверенности, что в этот срок жизнь России на новых началах войдет в нормальную новую колею, и в законе об исключительном положении не будет и надобности.

До истечения сказанного трехлетнего срока Столыпин внес новый закон об исключительном положении, третья Дума не удосужилась его рассмотреть. Столыпин продолжил действие прежнего закона прямо высочайшим повелением, при чем третья Государственная Дума сделала вид, как будто она это беззаконие не видит. При таком положении вещей дело стоит по настоящее время. Не только исключительное положение вводится по административному усмотрению, но, кроме того, Столыпин дал законам об исключительном положении посредством произвольных толкований гораздо более широкий смысл, нежели законы эти имеют в действительности, так, как их понимали их авторы (Плеве), и так, как их понимали в течение почти 30-летнего применения до времен Столыпина. Дело дошло до того, что прямо приходят на квартиру, обставляя ее фалангою жандармов, арестуют по жандармскому постановлению, забирают все бумаги, переворачивают всю движимость, затем копаются во всех бумагах. Ежели покажется что-нибудь интересным, забирают, если могут придраться, то затем таким образом арестованного ссылают куда-либо на жительство или прогулку, например, за границу, а если не к чему придраться, то, как это было недавно с публицистом, сотрудником «Русского Слова», весьма вхожим к председателю совета министров Коковцову, Румановым, через десять дней выпускают из политической тюрьмы (Кресты), и затем министр внутренних дел (в данном случае Макаров, честный, но деревянный человек) извиняется перед таким образом ошеломленным и оскорбленным человеком за ошибку, допущенную департаментом полиции. И только...

Что касается вопроса о неприкосновенности личности, то большим злом служит перлюстрация писем. Это было заведено издавна до 17 октября в широких размерах, а за время Столыпина машина перлюстрации еще усовершенствована и развита.

Когда я вступил в должность председателя совета, то ко мне явился от имени министра внутренних дел чиновник, кажется, по фамилии Тимофеев, доложить мне, что он прислан министром на случай, если я имею дать какие-либо указания относительно доставления мне перлюстрированных писем, причем объяснил мне всю процедуру этого дела по всей России. Я никакого указания этому тайному советнику не дал и по этому вопросу затем не имел никаких объяснений с Дурново, но он мне аккуратно ежедневно присылал папку с перлюстрированными письмами. Конечно, он для меня выбирал только те, которые хотел. Я их пробегал и за все время моего председательства не наткнулся ни на одно письмо, которое, с точки зрения государственной и по-

лицейской, могло бы быть сколько-нибудь полезным. Очень часто приходилось читать ругательства по моему адресу. Помню один случай. Я и моя жена были в очень хороших отношениях с графом С. Д. Шереметьевым, ныне обер-егермейстером и молчалиником—членом Государственного Совета, бывшим когда-то кавалергардом и адъютантом цесаревича Александра (будущего императора Александра III). Я с ним особенно сблизился через Сипягина, который был женат на сестре жены Шереметьева (княжне Вяземской, дочери поэта).

Когда я был министром финансов, то, конечно, Шереметьев обращался ко мне с различными просьбами. После смерти (убийства) Сипягина это событие еще более сблизило семейство графа Шереметьева с моим и меня с графом Шереметьевым. Я, как и все знакомые с графом, знал, что он человек не совсем нормальный, человек с так называемым зайчиком, но все считали его за человека благороднейшего, рыцаря. Перед 17 октября после сельско-хозяйственного совещания, бывшего под моим председательством, в котором граф Шереметьев по моему представлению был членом, наши отношения, вследствие разности наших взглядов на крестьянский вопрос, несколько охладели, но после Портсмутского договора он опять возгорелся ко мне почитанием и любовью и выражал это особыми письменными излияниями моей жене. После 17 октября он приказал портрет государя, висевший в его комнате, повесить на чердак, что, конечно, не помешало ему продолжать усердно царедворствовать, и мне в перлюстрированной переписке подносили копии его писем с очень нелестными обо мне мнениями, что тем не менее не мешало ему, покуда я был председателем совета, любезно со мною встречаться. Мне сделалось противно давать ему руку, и с тех пор я стараюсь его избегать и не входить с ним ни в какие общения.

Таким образом та перлюстрационная переписка, которая мне доставлялась, не приносила никакой государственной пользы, и я имею основание полагать, что она вообще, по крайней мере в том виде, в каком совершается у нас, скорее вредна, чем полезна. Вредна потому, что вводит администрацию во многие личные неприкосновенные дела, составляющие чисто семейные секреты, и дает министрам внутренних дел орудие для сведения личных счетов. Я, например, знаю, что покойный Столыпин, если бы при узкости своего характера и чувств не увлекался изучением перлюстрационной переписки, то поступал бы в отношении многих лиц корректнее, нежели поступал, и не делал бы себе личных врагов. Характерная черта Столыпина между прочим та, что когда в Государственной Думе при обсуждении сметы почт и телеграфов заговорили о перлюстрационной организации, то представитель министерства внутренних дел возмущенно

ответил, что это нечто вроде бабьих сказок, что ничего подобного не существует.

Между тем, это с особою интенсивностью существовало во все время главенства Столыпина и существует и до настоящего времени. Еще недавно я заговорил об этом предмете с Коковцовым, и он мне откровенно сказал, что получает ежедневно пачку перлюстрированных писем для прочтения и возмущенно добавил, что еще сегодня он в одном письме прочел о неблагоприятном отзыве, данном о нем главноуправляющим земледелием Кривошеиным, и для того, чтобы сконфузить Кривошеина, он его вызвал к телефону и дружески посоветовал ему впредь быть более осторожным, на что Кривошеин ему ответил, что автор перлюстрированного письма, очевидно, его не понял, при чем улыбаясь Коковцов мне прибавил: «Конечно, Кривошеин врет».

Бесцеремонность, если не сказать бессовестность, утверждений Столыпина в законодательных собраниях напоминает мне другой случай подобного же рода. Довольно обыкновенно, что иногда министрам в парламенте задают вопросы или ставят в положение, склоняющее сказать: да или нет, и когда по тем или другим соображениям министр сказать правду не может, то он уклоняется от объяснения, но—с позволения сказать—не говорит ложь с благородными жестами. Столыпин держался другого правила, он прямо говорил неправду очень убедительным тоном.

Когда я сделался председателем совета, то особенно в виду того, что в то время вся пресса, не исключая таких услужливых органов, как «Новое Время», прямо революционировалась, то для того, чтобы давать обществу надлежащие объяснения и для опровержения всевозможных выдумок, которыми кишели все газеты, я основал правительственный орган под заглавием «Русское Государство» (который издавался «Правительственным Вестником»), но в более литературной и более свойственной ежедневным газетам форме.

Мысль об издании такой газеты мне дал Татищев (бывший дипломат, человек весьма способный, известный в литературе, особенно в журнальной, автор истории Александра II, сотрудник «Нового Времени», был одно время агентом министерства финансов в Лондоне, когда я был министром финансов, но по моему желанию должен был покинуть этот пост и поступить в министерство внутренних дел к Плеве); Александр III со свойственною ему прямолинейностью почитал его человеком ненадежным, но при императоре Николае II он, благодаря своей талантливости и нетвердости в принципах, пользовался некоторым фавором. Я предполагал Татищева редактором этой газеты, но как раз в это время он умер, и я назначил исправляющим должность

редактора Н. А. Гурьева, так как его величество, имея от генерала Трепова неблагоприятные сведения о Гурьеве, не согласился на его назначение редактором и не желал отказать мне в моем представлении, то соизволил решить, чтобы он, Гурьев, был в действительности редактор, а подписывал бы газету другой кто-либо из «Правительственного Вестника».

Таким образом явилась правительственная газета, так сразу и оглашенная под действительным редакторством Гурьева. Газета эта существовала все время моего министерства и издавалась талантливо, проводя мысли правительства.

После моего ухода и затем образования министерства Столыпина правительство или, вернее, Столыпин нашел, что «Русское Государство», как орган правительственный, не может иметь надлежащего воздействия на общество, а потому газету эту закрыл, но взамен ее на правительственные же средства открыл газету «Россия», которая ранее существовала, но в крайне мизерном виде, поставив редактором Сыромятникова, а главными деятелями того же Гурьева и чиновника министерства внутренних дел ренегата еврея Гурлянда (сын еврейского одесского раввина, принявший православие и на почве полицейского угодничества составивший себе карьеру).

Столыпин наивно воображал, что таким образом он введет в заблуждение общественное мнение, но, конечно, эта наивная хитрость никого в заблуждение не ввела, вся Россия отлично знает, что газета «Россия» есть правительственный орган, содержащий на счет правительства, секретных фондов и доходов «Правительственного Вестника», имеющего большие доходы вследствие массы обязательных объявлений.

Но как-то Дума поинтересовалась узнать, что же стоит «Россия» и откуда она берет средства? Тогда Столыпин не постеснялся послать в Думу Крыжановского, своего товарища, благородно заявить (попросту соврать), что газета «Россия» есть частное издание. С тех пор «Россия», которая существует до сих пор и, конечно, никакого влияния на общественное мнение не имеет, всегда в печати именуется как «частное издание» в скобках—Россия.

Через два или три дня после вступления моего в должность премьера у меня были представители печати. Свидание это мною ранее было описано. Тогда г. Проппер от имени печати требовал смены Трепова, вывода из Петербурга войск, образования милиции и других несообразностей. Тогда же более благоразумные журналисты спрашивали у меня разъяснения, что значит в манифесте дарование «свободы слова», я им разъяснил, что это означает преимущественно свободу печати. Такого я был тогда убеждения и остаюсь при этом убеждении и теперь.

Конечно, в каждом явлении на этом свете есть хорошие и дурные стороны, начиная от процесса самой жизни человека; точно так же и в свободе печати есть дурные и хорошие стороны. В результате хорошие стороны свободы печати значительно превышают дурные. Правовой порядок не может существовать без свободы слова и свободная печать при всех ее злоупотреблениях служит одною из могущественных гарантий законности и ограничения всяких злоупотреблений.

Конечно, в общественной жизни нет и ничего не может быть безграничного, и как жизнь общества, так и печать должны быть ограничены известными рамками, и это ограничение должно существовать именно для того, чтобы печать оставалась свободною и не обратилась в преступную. Поэтому, по моему распоряжению, уже 19 октября последовало циркулярное распоряжение главного управления по делам печати, в котором говорилось, что впредь до издания новых законов о печати цензорам следует сообразоваться с новыми условиями, в которые поставлена печать (манифестом 17 октября), и личным тактом и устранением требований, не основанных на законе, избегать возможности справедливых нареканий, при чем отменяются все циркулярные распоряжения, изданные цензурным ведомством в порядке административном.

По указу 12 декабря 1904 года было решено издать новые законы о печати, и работа эта была поручена особой комиссии под председательством члена Государственного Совета, директора императорской публичной библиотеки д. т. с. Кобеко ¹⁾).

Кобеко мне заявил, что вся работа еще будет окончена не скоро, но он представил временные правила о повременных изданиях, которые были рассмотрены сначала в совете министров, затем в Государственном Совете и изданы при указе от 24 ноября 1905 года, в котором говорилось: «Манифестом 17 октября сего года мы возложили на обязанность правительства выполнение непреклонной нашей воли даровать населению незыблемые основы гражданской свободы, одним из условий коих является свобода слова. Обеспечивающий свободу слова устав о печати имеет в свое время воспринять силу по утверждению его нами в порядке законодательном (т.-е. по рассмотрении в предстоящей к открытию Думе и новом Государственном Совете). Ныне, впредь до издания общего о печати закона, приняли мы за благо утвердить правила о повременных изданиях, выработанные в совете министров (на основании данных, представленных Кобеко) и рассмотренные в Государственном Совете (старом).

Правилами этими устраняется применение в области периодической печати административного возде-

¹⁾ См. т. I, стр. 292.

ствия, с восстановлением порядка разрешения судом дел о совершенных путем печатного слова преступных деяниях. Соответственно сему повелеваем:...».

Затем следуют подробные правила, имеющие силу закона. На практике правила встретили некоторые затруднения в том смысле, что появилась масса новых газет, которые уклонялись от исполнения некоторых требований этих правил; вследствие сего при особом указе в марте были объявлены некоторые дополнения и изменения этих правил, которые не нарушали основного принципа свободы открытия периодических изданий при соблюдении известных, в законе определенных, условий и устранении всякого административного воздействия на периодическую печать с ответственностью за совершение преступлений печатным словом только по суду.

Затем через несколько дней после моего ухода, а именно 26 апреля, за день до открытия Государственной Думы были объявлены правила, имеющие силу закона для невременной печати. Правила эти были выработаны советом министров также под моим председательством и затем рассмотрены Государственным Советом.

С тех пор прошло 8 лет и никакого устава о печати, как то было обещано, выработано и издано не было. Вся печать номинально регулируется вышеуказанными законами, выработанными под моим председательством; в действительности же эти законы, которые составляли бы в настоящее время *rius desiderium* печати, самым бесцеремонным образом нарушаются, и Столыпин положил этому начало и затем систематически нарушал их. Третья Государственная Дума этому потворствовала. При первых двух Думах Столыпин, конечно, не смел нарушать эти законы, а когда вторая Дума была разогнана, то сейчас же пошло и избивание печати.

Я помню как летом в 1907 г. я заехал как-то к Коковцову, который тогда был министром финансов, на дачу, занимаемую им на Елагином острове. Он в это время разговаривал с министром народного просвещения Кауфманом по телефону о вчерашнем заседании совета министров и, окончив разговор, объяснил мне, что Столыпин находит существующие законы о печати, в мое министерство изданные, чересчур либеральными и требующими изменений. Тогда он с Кауфманом предложили выработать новый закон и внести в Думу, но Столыпин, поддержанный другими членами министерства, с этим не согласился и предложил прибегнуть к исключительным положениям, в силу которых предоставить градоначальникам и губернаторам штра-

фовать газеты, так как в столицах и других крупных городах всегда можно держать исключительное положение, то, следовательно, и можно штрафовать газеты по усмотрению.

Затем, так как благодаря Щегловитову (министру юстиции) суд сделался в значительной степени зависимым от министра юстиции, то можно также привлекать газеты к суду, соответственно толкуя законы, квалифицирующие те или другие преступления печати. Хотя Столыпину присутствовавшие министры объяснили, что по смыслу закона об исключительных положениях администрация не может штрафовать газеты и что такой способ расправы не применялся никогда в течение всего продолжительного времени действия закона об исключительных положениях, но Столыпин остался при своем мнении, и с тех пор снова водворился полный административный произвол по отношению печати. Какая-либо статья не понравится, сейчас высшие чины и министр вызывают по телефону градоначальника или его правителя канцелярии, приказывают оштрафовать газету, и это сейчас же приводится в исполнение. И этого показалось мало. Если полагают, что штрафами не могут досадить газете, то прямо в силу того же исключительного положения градоначальник или губернатор прямо в административном порядке сажают редактора на несколько месяцев в тюрьму, и на такой произвол нет никакой расправы...

Таким образом свобода печати осталась покуда торжественным, но не исполненным обещанием, при чем происходит обыкновенная история—правые кричат о распущенности прессы и необходимости ее обуздания, но как только ее тронут, что бывает по личным вопросам, когда они заденут кого-либо из высокопоставленных, то сейчас же орут о невозможном стеснении печати; умеренные, особливо направления «чего изволите», гнутя на все стороны и также иногда считают необходимым обуздать, но только их конкурентов, преимущественно русских публицистов евреев, у них не служащих, но если только их заденут, начинают проповедывать необходимость внесения в Думу закона о печати; а левые всякий закон о печати, стесняющий их демократические размахи, клонящие существующую Российскую империю в пропасть, конечно, принципиально считают политическим преступлением... Бедный же Кобеко навлек на себя немилость государя и за его либеральные тенденции после 50-летнего служения родине на высших административных постах был исключен из присутствующих членов Государственного Совета. Мне один из царедворцев (не помню кто) передавал, что его величество, как-то говоря о Кобеко, сказал:

«Я ему никогда не забуду его направления в деле о законах печати».

Еще до 17 октября под председательством графа Сольского было образовано совещание, которое выработало временные меры о собраниях, объявленные при указе от 12 октября 1905 года. С изданием манифеста 17 октября во исполнение п. 1-го необходимо было издать законы об обществах и союзах, а кроме того издать законы относительно собраний с большей полнотою и более соответствующие манифесту, выражавшему непреклонную волю даровать населению гражданскую свободу. Все эти законы были выработаны советом министров под моим председательством и затем после рассмотрения их в Государственном Совете изданы при двух указах от 4-го марта. Один указ сопровождался обширным законом об обществах и союзах, а другой о собраниях. В обоих из них сказано, что эти законы издаются как временные, впредь до издания общего закона через новые законодательные учреждения, которые должны были открыться через несколько недель. С этими законами случилось то же, что и с законами о печати. Когда они были изданы, большая часть прессы и общества нашли их недостаточно либеральными, выражали желание о предоставлении еще большей свободы, в этом отношении возлагали надежды на Думу и новый Государственный Совет. Но вот Дума уже существует 7 лет, но до сих пор никакого нового закона не издано так же, как о печати, ни об обществах, ни о союзах и ни о собраниях, а после совершения государственного переворота 3-го июня и созыва подобранной третьей Думы в отношении свободы образования обществ, союзов и собраний действуют еще более беззастенчиво, нежели с печатью. Законы на бумаге существуют сами по себе, а жизнь идет сама по себе; то, что администрация хочет, то и делается. Такой лозунг дал Столыпин, и развращающее влияние этого лозунга проникло так глубоко, будучи поддержано третьей Думой, преимущественно так называемой партией (развратной) 17 октября Гучкова, что нужно будет совершить большие операции, чтобы очистить кровеносные сосуды русской общественной жизни. Итак, существеннейший пункт манифеста 17 октября о даровании гражданской свободы был моим министерством в действительности в точности исполнен:

1) исключительные положения с открытием Думы и нового Государственного Совета не могли действовать помимо законодательных учреждений;

2) были даны законы о свободе печати, обществ, союзов и собраний;

3) начала веротерпимости установил еще указ 17 апреля 1905 г.;

4) законодательным учреждениям был дан достаточный контроль над действиями администрации.

Тем не менее, ныне через семь лет в России не только нет гражданской свободы, но даже эта свобода, которая существо-

вала до 17 октября 1905 года, умалена административным произволом, который в последнее пятидесятилетие никогда так беззастенчиво не проявлялся. Причиной такому положению вещей следующие обстоятельства: 1) полнейшая политическая бестактность и близорукость не только крайних революционных партий, но и почти всех либеральных партий того времени; они точно сорвались с цепи и вместо того, чтобы считаться с действительностью, обалдели: и акт 17 октября считался недостаточным, и указ 17 апреля о веротерпимости недостаточно широким, а изданные законы о печати, собраниях и проч.— все им представлялось крайне консервативным; 2) как это обыкновенно бывало во многих странах, такой безумный натиск на существующий строй 150 миллионов населения с великой историей и составляющих великую империю, конечно, многих перепугал, и так как новый строй, конечно, был не по шерсти верхам, то начала образовываться реакция, находившая особое покровительство наверху, реакция, в своих правых флангах явившаяся столь же безумною и нахальною, как левые фланги революционно-либеральных партий; 3) тогда явилось правительство Столыпина, которое имитируется и настоящим правительством, для которого решительно все равно, будет ли конституция или неограниченный абсолютизм, лишь бы составить карьеру, и начали вести такую политику: на словах «мы за 17 октября, за свободу», а на деле, благо это возможно и выгодно, «за полнейший полицейский произвол». Чем же это кончится?.. В конце концов я убежден в том, что Россия сделается конституционным государством *de facto*, и в ней, как и в других цивилизованных государствах, неизбежно водворятся основы гражданской свободы. Раз над Россией прогудел голос 17 октября, его не потушить ни политическими хитростями, ни даже военною силою. Вопрос лишь в том, совершится ли это спокойно и разумно или вытечет из потоков крови. Как искренний монархист, как верноподданный слуга царствующего дома Романовых, как бывший преданный деятель императора Николая II, к нему в глубине души привязанный и его жалеющий, я молю бога, чтобы это совершилось бескровно и мирно...

Конечно, я не стану перечислять всех законодательных мер, принятых в течение шестимесячного моего премьерства. Я скажу еще несколько слов о капитальнейших законах, положивших начало полному крестьянскому переустройству, мною, к сожалению, не законченному, а законченному Столыпиным со внесением в это дело доминирующей полицейской тенденции, что грозит России в будущем большими пертурбациями. Начало крестьянскому переустройству положили труды особого кре-

стьянского совещания, выдвинутого по моей инициативе и совершившего капитальные труды, к сожалению, не dokonченные вследствие внезапного его закрытия по интриге Горемыкина и Трепова. Совещание это проводило начала индивидуальной собственности крестьян и сравнение крестьян в правовом отношении со всеми подданными Российской империи. Взамен моего совещания явилось совещание Горемыкина, ровно ничего по себе не оставившего, но работавшего под флагом принципа стадного уравнивания крестьян (община и полицейское попечительство).

После 17 октября 1905 года особое совещание Горемыкина полетело вверх тормашками, и профессор Мигулин через растерявшегося дворцового диктатора генерала Трепова представил его величеству проект принудительного отчуждения. Совет министров под моим председательством единогласно отверг этот проект и предложил сложение выкупных платежей и разрешение деятельности крестьянского банка по покупке частновладельческих земель. В результате последовал манифест и указ 3 ноября 1905 года, которыми менее нежели через два месяца после 17 октября были уничтожены выкупные платежи крестьян за земли, им наделенные Александром II при освобождении их от крепостной зависимости, а равно значительно расширена деятельность крестьянского банка, и обе эти меры, требовавшие громадных финансовых жертв, были мною приняты в самый разгар финансового расстройтва, о котором я говорил ранее. Вслед затем были образованы при главном управлении земледелия и на местах соответствующие органы для изучения аграрного положения крестьян и оказания им соответствующей помощи. Это положило реальное основание к облегчению крестьян и переустройству их быта. Далее этого мое министерство не считало возможным итти без обсуждения первейшего вопроса русской государственной жизни, вопроса крестьянского, в законодательных учреждениях, уже созываемых, но оно детально выработало программу крестьянского преобразования, руководствуясь преимущественно трудами сельско-хозяйственного совещания, о котором я говорил ранее. Программа эта была выработана в форме вопросов и должна была быть внесена в Думу немедленно после ее открытия. В основании преобразования мое министерство полагало оставить индивидуальную собственность крестьян с дарованием им одинаковых с прочими сословиями и во всяком случае культурных, принятых во всех цивилизованных странах, гражданских прав, при чем предполагалось переход из общего владения к индивидуальному совершать без всякого принуждения и постепенно. Все эти труды послужили основанием министерству Столыпина, а затем и третьей Государственной Думе совершить крестьянское преобразование, которое ныне приводится в исполнение и, к сожа-

лению, в будущем может грозить значительными и даже крупными революционными осложнениями. Министерство Столыпина принялось энергично за это преобразование не в сознании государственной необходимости этой меры, а в соображениях полицейских по такой логике: необходимо обеспечить спокойствие частных владельцев (преимущественно дворян, численность которых Столыпин исчислил в 700 тысяч на 150 миллионов населения), чтобы более не было дворянских погромов. Как это сделать?— Очень просто. Возможно больше увеличить частных собственников из крестьян, тогда они будут заинтересованы в спокойствии частной собственности. Итак, нужно насадить в крестьянстве индивидуальную собственность во что бы то ни стало, а потому в проекте проведен принцип принуждения выхода из общины, т.-е. насильственное уничтожение такого крестьянского института, который имеет вековую давность. Независимо от сего, вводя насильственно-индивидуальную собственность, вошедший в силу закон не озаботился одновременно крестьянам частным собственникам дать все гражданские права, которыми мы пользуемся, и прежде всего определенные права наследства, и создал таким образом, так сказать, бесправных или полуправных частных собственников - крестьян. Вводя крестьянскую реформу по политически-полицейским соображениям с спешностью и недуманностью, одновременно не заботились разрешением целой массы бытовых крестьянских вопросов. В результате получится масса хаоса и несомненное народное рождение из крестьян десятков миллионов пролетариев...

Во время моего министерства почти все высшие учебные заведения были закрыты. Большинство профессоров либеральничало и многие выходили из рамок спокойного благоразумия, но я был уверен, что при том уважении, которое сумел внушить к себе министр народного просвещения граф И. И. Толстой, все в непродолжительном времени успокоится.

И действительно, 17-е октября значительно уменьшило угар в среде профессоров, и после летних вакансий все высшие учебные заведения открылись, но тогда уже министром народного просвещения был Кауфман.

До 17-го октября были постоянно беспорядки в высших учебных заведениях, и эти беспорядки поглощали внимание высшего начальства. При графе Толстом в моем министерстве оказалось, что дух беспорядков давно проник и в средние учебные заведения, но только это скрывали. Граф Толстой ввел так называемые родительские комитеты при гимназиях, которым давалось право следить за поведением учащихся и за общим порядком учебного заведения. Комитеты эти принесли большую

пользу в смысле направления учебных заведений к спокойным занятиям.

Теперь министр народного просвещения, бесшабашный Кассо, эти комитеты стремится уничтожить, вероятно, находя их весьма либеральными учреждениями. Граф Толстой входил в совет с представлением об уничтожении ограничительных норм для приема евреев в учебные заведения, исходя из той, по моему мнению, совершенно правильной мысли, что самое естественное разрешение еврейского вопроса заключается в приобщении их к национальному образованию. Совет министров после продолжительного обсуждения этого вопроса склонился к принятию предложения министра народного просвещения.

Журнал был представлен на утверждение государя императора. Его величество не утвердил журнал, а вернул его с резолюцией, что он даст по этому предмету указания впоследствии.

Столыпин сначала предполагал также оказать некоторые льготы еврею в смысле уничтожений некоторых ограничений, относительно его существующих. По этому предмету был составлен журнал и представлен его величеству. Государь снова резолюцией отложил решение вопроса. Затем Столыпин, видя, что можно иметь в будущем хорошие перспективы, налегая на евреев и взяв курс неонационализма, иначе говоря лозунг гонения всех русских подданных не-русского происхождения ($\frac{1}{3}$ или около 60 миллионов жителей Российской империи), начал вводить новые ограничения для еврейства и существовавшие нормы для евреев в учебных заведениях еще более сузил. Теперь идет сплошная травля евреев, и я думаю, что натравщики сами не знают, куда они идут и что полагают этим достигнуть. Можно не симпатизировать евреям, можно считать эту нацию как бы носящею клеймо проклятия, но все-таки евреи суть люди, русские подданные, евреи суть русские граждане и другого способа борьбы или обращения с ними, чем который принят во всех цивилизованных странах (Германии, Франции, Англии, Италии, Америке и пр. и пр.), не существует, как постепенное приобщение их к общей и равноправной гражданской культуре.

Хотелось мне сказать несколько слов об еврейском вопросе во время моего премьерства. Нужно сказать правду, что во время освободительного движения евреи играли выдающуюся роль в смысле раздувания, а иногда и руководства смуты. Конечно, такое положение в значительной степени объясняется и, пожалуй, оправдывается тем особенно бесправным положением, в котором они находились, а равно теми погромами их чернью, которые правительство не только допускало, но само устраивало. Так,

например, громаднейший погром в Кишиневе был прямо устроен Плеве, но все-таки факт исключительного участия евреев в смуте и революционной каше остается неоспоримым фактом.

Как только я стал премьером, еврейская депутация с бароном Гинзбургом во главе (человеком почтенным и весьма богатым) просила быть принятой. Я ее принял. Помню, что кроме барона Гинзбурга были: Винавер (присяжный поверенный, будущий выдающийся член первой Государственной Думы от города С.-Петербурга), Слиозберг (также присяжный поверенный), Кулишер (тоже присяжный поверенный, которого я еще знал в Киеве, когда он принимал участие в весьма либеральной по тому времени газете «Заря»), Варшавский (довольно богатый человек, сын очень богатого и известного Варшавского, строителя железных дорог и сочлена пресловутой интендантской компании Горвиц-Коган и Варшавский в прошлую Восточную войну 70-х годов) и другие. Они явились ходатайствовать, чтобы я просил у государя и провел еврейское равноправие в России.

По этому поводу я им откровенно высказал, что, как всем известно, я не юдофоб и считаю, что в конце концов другого решения еврейского вопроса в будущем, как то, которое имело место во всех цивилизованных странах, как предоставление евреям равноправия, нет, но, во-первых, это может быть сделано лишь постепенно, ибо в противном случае в некоторых сельских местностях еврейское равноправие может вызвать не искусственные, а действительные погромы, а во-вторых, для того, чтобы в то время я мог поднять вопрос о предоставлении существенных льгот еврею или, вернее говоря, для того, чтобы я мог выставить принцип еврейского равноправия, необходимо, чтобы еврейство усвоило себе совсем иное поведение, нежели то, которому оно следовало. Оно должно во всеуслышание заявить монарху и свое заявление подкрепить соответствующим поведением, что оно ничего от его величества не просит, кроме одного обращения с ними, как со всеми остальными подданными. Между тем в последнее время евреи являются деятелями в различных политических партиях и проповедают самые крайние политические идеи. Я им говорил: «Это не ваше дело, предоставьте это русским по крови и по гражданскому положению, не ваше дело нас учить, заботьтесь о себе. Вот вы увидите, сколько от такого поведения вашего, которому вы теперь следуете, вы и ваши дети пострадают».

Барон Гинзбург заявил, что он совершенно разделяет мое мнение. Слиозберг и Кулишер также заявили, что и они разделяют мое мнение. Остальные же присутствовавшие евреи не соглашались с моими увещаниями. В особенности возражал Винавер, заявивший, что теперь настал момент, когда Россия

добудет все свободы и полное равноправие для всех подданных, и что потому евреи и должны всеми своими силами поддерживать русских, которые этого добиваются и за это воюют с властью. Так свидание это и кончилось.

Затем, когда я оставил пост главы правительства и был во Франкфурте на-Майне (летом 1907 года), то главы тамошних евреев просили с ними свидеться. Я виделся с ними у Аскенази (богатого франкфуртского гражданина, почтенного человека, русского по происхождению, которого издавна знал); там присутствовали главные представители немецкого еврейства и из Берлина приехал известный доктор Натан.

Я им опять говорил то же, и то, что мне возражал Винавер в Петербурге, говорил Натан во Франкфурте. Из Франкфурта я приехал в Париж, там я виделся у барона Эдуарда Ротшильда с несколькими французскими евреями. Я им опять повторил то же; они мне ответили, что они моего мнения, но что они бессильны подействовать на русское еврейство. Я думаю, что теперь евреи видят, кто был прав: я или их бестактные, если не сказать более, советники. Никогда еврейский вопрос не стоял так жестоко в России, как теперь, и никогда евреи не подвергались таким притеснениям.

Анархических покушений на представителей власти в мое время было относительно высших лиц сравнительно мало, но относительно мелких чинов, преимущественно полицейских, довольно много. Тем не менее, на меня, особенно на Дурново, происходила постоянная охота. Я жил в запасном доме Зимнего дворца, у меня не было никакой охраны, но я постоянно получал предупреждения от департамента полиции, чтобы я не ездил туда-то и не выходил совсем в некоторые дни. Я не обращал на эти предупреждения никакого внимания не от того, чтобы я не боялся смерти, но потому, что считал, что в моем положении бояться нельзя, ибо на меня все смотрят. Я ежедневно выходил пешком, а чаще всего ездил на своем автомобиле, всем известном, в особенности, по его шумливости. Бог мне дал такой характер, что я боюсь опасности, когда далек от нее, и боязнь эта проходит, когда она ко мне близка или находится передо мною. Дома я ее боялся, а когда выходил на улицу, то страх проходил. Дурново также бравировал опасностью. Он имел вне дома очень хорошую знакомую, к которой ежедневно ходил, что составило заботу его охраны. Впрочем, в мое время даже министр внутренних дел имел самую маленькую охрану. Это уже во времена Столыпина начали тратить на охрану премьера миллионы, строить крепости в месте жительства премьера (Елагинский дворец), переодевать охранников в служителей Государственного Совета,

Думы, в лакеев, в извозчиков и кучеров, что не спасло Столыпина от пули охранника Богрова. Должен сказать, что эти безумные траты на охрану нисколько не выражали, что Столыпин был трусом. Нет, он был, несомненно, храбр, но это была своего рода мания.

Когда я оставил пост главы правительства, ко мне пришел мой большой приятель, князь Меликов (умерший), тифлисский предводитель дворянства, и передал мне, что у него были сегодня два члена Думы крайние революционеры-анархисты и выражали искреннюю радость, что я ушел, ибо я должен был быть убитым одним из их товарищей, вынудившим жребий, и что все-таки им меня было жалко, так как я тоже уроженец Кавказа, и я равно, как и мои родители, на Кавказе пользовался уважением и любовью
